

ПРАВОСЛАВНАЯ МИССИОЛОГИЯ

Предлагаемые ниже две статьи подготовлены доктором богословия Петром Пенером и представляют собой попытку объективно описать миссиологию Православной церкви. Первая статья представляет этот предмет с позиций самой православной науки (по материалам православной литературы) без какого-либо критического анализа. Вторая статья представляет собой размышления о православной миссиологии с позиции протестанта

ПРАВОСЛАВНАЯ МИССИОЛОГИЯ *глазами православных*

Введение

Миссиология – одна из самых молодых и наименее сформировавшихся областей богословского знания. Фактически, это наука о том, как распространять благую весть Евангелия и в этом смысле – это самая древняя и первая богословская дисциплина Нового Завета, появившаяся одновременно с появлением самой Церкви Христовой. Однако в церковной традиции – миссиология была скорее практикой, чем теорией и поэтому только недавно она стала оформляться в виде самостоятельной отрасли богословия.

Как богословская наука миссиология стала прежде всего развиваться в протестантской среде и только после Второго Ватиканского собора она переживает бурное развитие в католицизме. Православие, особенно в его восточноевропейском образе, имеет весьма специфические понятия и практику миссионерской работы. Исходя из экклезиологических представлений православия, в настоящее время миссионерство развивается скорее не вовне, в внутри православного населения, уже номинально являющегося членами церкви. А с другой стороны, православное миссионерство часто принимает оборонительный характер антимиссионерства, то есть защиты православия от влияния инославных групп. Вспомним дореволюционное миссионерское общество св. Андрея. При этом методы защиты часто зависят от идейных позиций исполнителей и не являются, по сути, мнением церкви. Такая сложная обстановка заставляет евангельские группы внимательно изучать миссионерскую деятельность православия как на практике, так и в теории.

Описать миссиологию Православной Церкви задача не из легких. Сформулирована ли православная миссиология в работах Анастасия (Андрусса), Бриа (Румыния) или Стамулиса¹, или же миссиологию Православной Церкви еще предстоит сформу-

¹ Именно это имя будет наиболее часто использоваться в настоящей работе, когда речь будет идти об экуменической миссиологии с православной точки зрения. Тем не менее, разумеется, и другие авторы участвовали в формировании православной миссиологии.

лировать? Из беседы автора с представителями Православной духовной академии в С.-Петербурге выяснилось, что православные уделяют достаточно много внимания вопросу о том, что представляет собой миссия для Православной Церкви помимо отделения от еретиков и сектантов, и чему могли бы научиться православные из миссионерской активности протестантов и католиков.

Пройдя по библиотеке вышеупомянутой Академии в С.-Петербурге, одного из главных центров православной мысли, автор заметил, что литературы по теме православной миссиологии достаточно мало. В большинстве случаев это русскоязычные документы и материалы миссионерских конференций конца предыдущего столетия, сообщающие о миссионерской деятельности Православной Церкви. Некоторая литература о православных аспектах миссиологии есть и на других языках: английском, немецком и французском.

Анализ доступного автору материала позволяет прийти к выводу о том, что на сегодняшний день не существует систематической православной миссиологии. Попытки отдельных православных авторов разработать этот раздел православного богословия положили начало для создания миссиологии той миссиологии, которая крайне необходима сегодня в распадающейся восточной Европе с учетом возрастающей роли Православной Церкви и ее активности сегодня, с учетом издавна сложившихся географических притязаний по принципу *cujus regio eius religio*; той миссиологии, которая духовно основывается на православии и в то же время стремится к единству с другими христианскими церквями и ускоряет выполнение христианской миссии, приближает Царство Божие. Подобная миссиология могла бы использовать опыт западного миссионерства и найти для него подходящий контекст, как об этом пишет Папапетру:

Лавинообразный процесс духовного развития нового времени имел для западноевропейского христианского мира необычайно большое богословское значение. Из опыта западноевропейских церквей, имевших прямое отношение к этому процессу, православные и католики могли бы перенять достаточно многое. Процесс секуляризации, имевший место и продолжающий иметь место на Западе, уже не будет требовать от православия теоретических раздумий и поисков решений. Противостоя духу нового времени, западные церкви разработали новые методы работы, которые более соответствуют духовному климату современного мира и которые могут быть полезны православию. Если для православия настоящее исполняет прошлое, то для неправославного мира актуально понятие настоящего и даже настоящего имманентного будущего. В то время как православие более или менее ориентировано в прошлое, западный мир создает с точки зрения духовной истории светское настоящее и готовится к будущему (сакральному или светскому, этого мы еще не знаем). Православие может научиться у Запада понятию современности. Насколько все современное является христианским (православным или католическим) это уже другой вопрос, на который должны ответить, исходя из их понимания, православные и католики.²

Статья Папапетру в первую очередь исходит из секуляризации западного мира. Однако этот процесс не оставил в стороне и Православную Церковь. Коммунистическая эпоха, которая сегодня уже якобы позади, оставила после себя особое постхристианское общество (прежде всего в странах Восточной Европы), которое особым образом секуляризовано и должно сегодня каким-то образом противостоять нашествию западного капитализма.

В настоящей работе автор старается в первую очередь проанализировать отдельные понятия православной миссиологии и провести их сопоставления с соответствующими западными понятиями. При этом в работе делается попытка в общих чертах обрисовать сложившуюся на сегодняшний день православную миссио-

² Papapetrou K. E. Kirche und Mission: Zum Missionsverständnis der orthodox-katholischen Kirche // Kyrios. 6. 1966. 113.

логию для того, чтобы понять тенденции в ее развитии. Это будет сделано, прежде всего там, где речь пойдет об отношениях между Всемирным Советом церквей и Православной Церковью. После этого необходимо будет рассмотреть такие православные миссиологические понятия, как отношение тринитарного богословия к миссии, а также роль Церкви в этой миссии. При этом необходимо прежде всего рассмотреть понятие единства и раскрыть его смысл. В дальнейшем изложении будут проанализированы в миссиологическом контексте такие области православия, как литургия, евхаристия и диакона, а также речь пойдет о цели миссии с православной точки зрения.

1. Православная миссия и Всемирный Совет церквей

1.1. Вступление православных церквей в ВСЦ и ММС

Несмотря на то, что найти материалы о миссиологии Православной Церкви (далее ПЦ) и миссионерской деятельности ее представителей достаточно трудно, определенные сведения об этом можно почерпнуть из архивов Всемирного Совета церквей, в который входит ПЦ. В принципе, можно сказать, что современная миссиология ПЦ была написана за столом ВСЦ.³ В экуменических публикациях довольно часто можно найти различные источники и материалы по православному богословию.

Эта тесная взаимосвязь, несомненно, объясняется общей ситуацией в ПЦ, которая, находясь в недавнем прошлом в составе восточного блока государств, а также в ближневосточном регионе, подвергалась различным политическим и религиозным гонениям и поэтому старалась получить поддержку в сообществе ВСЦ. Именно в силу этих обстоятельств важно было бы показать отношение ПЦ к ВСЦ и вкратце обрисовать то влияние, которое оказал ВСЦ на ПЦ.

Православные церкви, сообщество автокефальных и автономных церквей, были первыми, кто официально предложил создать содружество или лигу церквей. Это было сделано в энциклике 1920 года Экуменического Патриархата. Таким образом, со времени встречи "Жизнь и Работа" (Life and Work), проходившей в 1925 году в Стокгольме, православные церкви принадлежат экуменическому движению, а также принимают на себя обязательства придавать ему более отчетливую и более "официальную" церковную форму.⁴

Православные церкви входят в состав ВСЦ с 1961 года,⁵ что в первую очередь привело к возникновению конфликтов между евангелическими протестантами и православными в вопросе об интеграции ММС и ВСЦ.⁶ Поскольку православные обвинили протестантских миссионеров в прозелитизме, протестанты почувствовали себя ограниченными в возможности осуществлять миссионерскую работу.

В соответствии с атмосферой сотрудничества римско-католические и греческо-православные территории не рассматривались как возможное поле миссионер-

³ Эта точка зрения на православную миссиологию подтверждается в работе Archim. Anastasios Yannoulatos. The purpose and motive of mission: From an Orthodox theological point of view. Athens, 1968. 5: "Православная богословская миссионерская концепция не получила систематического развития. Следовательно, когда кого-либо просят выразить православную точку зрения на цели и задачи миссионерства (вопрос, который волнует западное богословие многие годы), возникает опасность того, что он либо ограничится повторением чужих мыслей, либо, внимательно изучив католическую и протестантскую точки зрения, попытается "построить" православную концепцию, отличную от двух других, только для того, чтобы еще раз подчеркнуть наличие разногласия между тремя конфессиями".

⁴ Saayman W. A. Unity and Mission In eucharistic: the contribution of the Orthodox churches // Unity and Mission. Pretoria, 1984. 90.

⁵ Johnston A. Umkampfte Weltmission. Neuhausen-Stuttgart, 1984. 43.

⁶ Saayman 91.

ской деятельности, и конференция со вниманием отнеслась к миссионерской деятельности этих материнских церквей... [Также] и в Статистическом атласе, который был опубликован по результатам работы конференции, католические и православные территории не обозначаются. Таким образом, Южная Америка и Европа не рассматривались с миссионерской точки зрения.⁷

С евангелической точки зрения конфликтным моментом было также и привнесение сакраментальных таинств в понятие "спасение". Это означало, что таинства и церковное предание ставились в один ряд с Писанием, которое для евангелистов является "единственным источником откровения и основой веры. Христианские традиции [тем самым] отводят роль Библии на второй план".⁸ Однако, несмотря на первоначальное сопротивление, вхождение православных в ВСЦ все же состоялось, и со стороны ВСЦ в Нью-Дели и ММС было дано подтверждение того, что на православных территориях не будет вмешательства протестантов и евангелистов, входящих в ММС.⁹

1.2. Влияние ММС на миссиологию Православной Церкви

Некоторые моменты влияния на Православную Церковь со стороны ММС достаточно очевидны. Возможность получить богословское образование на Западе и содействие ВСЦ в создании школ православного образования, в первую очередь, в странах прежнего восточного блока это та помощь и влияние на Православную Церковь, от которых в большинстве случаев выиграла Православная Церковь.¹⁰

ПЦ, еще недавно находясь в условиях тоталитарного режима двадцатого столетия, численно является доминирующей Церковью на секуляризованном после времен коммунизма Востоке в России, Румынии и Болгарии и затрагивает часть восточной Европы. С миссионерской точки зрения это обстоятельство, а также ситуация внутри ПЦ, создавало проблему для ВСЦ не только во времена существования восточного социалистического лагеря, но и после тех изменений, которые принесли гласность и перестройка. Были предприняты попытки наладить диалог между православными и протестантами, и много усилий было затрачено на помощь Православной Церкви на Востоке, однако никаких ощутимых изменений в отношениях двух сторон это не принесло.¹¹

По отношению к историческим (средневосточным) и находившимся под тоталитарным режимом (восточноевропейским) православным церквям было высказано предположение, прежде всего, в кругах CWME, что для них характерно довольно ограниченное понимание миссионерских задач, а в некоторых случаях даже отсутст-

⁷ Johnston 43.

⁸ Там же. С. 48.

⁹ Saayman 91 и Johnston 76.

¹⁰ "Поскольку обучение лидеров движения является первостепенной задачей в странах Восточной Европы, то для этой цели использовались различные методы. Обучение предполагало обмен преподавателями, предоставление стипендий студентам (иногда через Фонд Поддержки Всемирного Совета Церквей), регулярную поставку новой литературы в богословские библиотеки" (Sawatsky W. Another Look at Mission in Eastern Europe // International Bulletin of Missionary Research. January 1987. 17). Автор услышал подтверждение этого в беседе с представителями Православной духовной Академии в С.-Петербурге в 1994 г.

¹¹ "Тесная связь современного миссионерского и экуменического движений не требует разъяснений. Хорошо известно также и то, что восточно-европейские власти признают экуменический совет церквей и считают его полезной организацией. Тем не менее, экуменизм не всегда помогает развитию миссионерства в странах Восточной Европы. Это происходит из-за неумения по-другому взглянуть на вещи. Прежде всего, экуменический принцип терпимости требовал признания территориальных прерогатив православия, хотя церковь не имеет богословия территориальной юрисдикции, кроме той, чтобы быть свидетелем в oikumene. Фактически антирелигиозный режим навязал терпимое отношение протестантских церквей к православным и католическим священникам. Искусственность данной ситуации препятствовала ведению серьезного диалога о природе межцерковных связей в Восточной Европе. Мерой терпимости явилось осознание потребности в общем оппоненте" (С. 18).

вие такого понимания. В противовес этому предположению, для того, чтобы лучше прояснить положение дел в этом вопросе, ВСЦ провел ряд "консультаций по вопросам миссионерства", состоявшихся в Бухаресте (1974), Этхмиадзине (1975), Праге (1976), Париже (1978) и Каире (1979).¹²

В отчете, озаглавленном "От участия к партнерству: православные церкви во Всемирном совете церквей", который был написан Арамом Кешишьяном в 1991 г. в Швейцарии, были показаны те взаимовлияния, которые оказали друг на друга экуменические протестанты и православные. Указав на восемь позиций, по которым ПЦ оказала существенное влияние на ВСЦ, обогатив его опыт, Кешишьян называет всего четыре позиции, по которым экуменические протестанты оказали влияние на ПЦ. Из них только две позиции означают действительную выгоду для ПЦ.

1. Первая из них, это падение историко-политических стен, разделявших Запад и Восток и упраздненных сегодня. "Важно отметить, что живая встреча с экуменическим движением и растущее участие в нем необычайно помогло восточным православным церквям разорвать цепи исторических и политических обстоятельств, которые приводили к изоляции этих церквей на протяжении многих веков".¹³
2. Большое значение для ПЦ имела оппозиция протестантской методологии в области герменевтики, экзегезы, истории Церкви и богословия, а также (говоря о миссионерстве) в области миссиологии, однако, прежде всего в области экуменического богословия. Все это получило развитие в православном богословии и впервые дало возможность по праву говорить о возникновении научной православной миссиологии.¹⁴

1.3. Влияние Православной Церкви на миссиологию ВСЦ

Влияние ПЦ стало заметно уже при вступлении ПЦ в ВСЦ. Джонстон указывает на это с точки зрения евангелистов:

Во-первых, изменился базис ВСЦ, чтобы удовлетворить требованиям консервативных кругов в ВСЦ и православных восточных церквей, которые были объявлены в качестве условий их вступления в ВСЦ. Период, следовавший за 1961 годов, укрепил консервативное (не со стороны евангелистов!) влияние, которое оказали эти церкви на экуменическое богословие.

Во-вторых, общим собранием ВСЦ был принят документ, озаглавленный "Христианское свидетельство, прозелитизм и свобода вероисповедания в рамках Всемирного Совета церквей". В этом документе была выражена давняя обеспокоенность православных церквей по поводу эвангелизационной активности евангелических миссионеров на их территориях, которая уже обсуждалась ранее.¹⁵

В Уппсале в 1968 г. православные делегаты выступали более активно, чем в Нью-Дели, что отчасти объяснялось тем, что их число было большим на этой встрече. ВСЦ и здесь был готов на определенные изменения в своей структуре, чтобы предложить православным церквям больше прав, и поэтому в православном духе был переделан даже раздел II. В силу того, что эти церкви вошли в ВСЦ, церковное предание стало играть здесь большую роль, чем ранее.¹⁶

¹² Martyria Mission: The witness of the Orthodox Churches today // Bria I. Geneva WCC, 1980.

¹³ Keshishian A. From Participation to Partnership: The Orthodox Churches in the World Council of Churches // Orthodox Perspectives on Mission. Oxford, 1992. 112–114.

¹⁴ Там же. С. 115. Разумеется, автор несколько выходит за рамки сообщения Кешишьяна, когда говорит о том, что до этого момента не существовало четко сформулированной православной миссиологии. Однако отчасти это по-прежнему остается реальностью нынешних образовательных центров православного мира.

¹⁵ Johnston 136.

¹⁶ "Уже с момента вступления Православной Церкви в ВСЦ участники Совета стали сильнее акцентировать значимость Писания для Церкви" (С. 274).

В эпоху новейшей истории миссия Православной и Католической Церкви становится все более активной и отчетливой. Это происходит не только в области внешнего миссионерства, но и по причине большего узнавания о внутренней жизни восточных церквей. Научное исследование этой жизни дало возможность неправославному, западнохристианскому миру освободиться от некоторых предвзятых позиций и услышать свидетельство православия. Существенный вклад в это внесла и православная диаспора.¹⁷

Опасения, которые высказывали евангелисты при вступлении православных в ВСЦ, и которые можно найти в вышеприведенных цитатах из работы Джонстона, сменились на отношения партнерства, и обе стороны смогли найти себя как в вопросе о роли Писания,¹⁸ так и в вопросе об определении целей по отношению к миру. Конференции и совещания между отдельными группами привели к двусторонней пользе.¹⁹

В принципе, можно согласиться с выделением тех восьми позиций, о которых говорит Кешишьян и которые описывают наиболее значимые изменения в жизни, природе, образе и структуре ВСЦ благодаря вступлению в него ПЦ. С богословской точки зрения следует особенно выделить две области, которые по этой причине будут рассматриваться в настоящей работе, а именно "тринитарное измерение" в обсуждении вопроса о миссии и, следовательно, расширение понятия *missio Dei*, а также единство Церкви и ее миссии, особенно характерное для ПЦ. При этом единство Церкви не рассматривается лишь как условие для миссии, но само единство формулируется как миссия.²⁰

2. Миссия Бога и католичность Церкви

Миссия ПЦ всегда осознавалась как миссия триединого Бога. От Него исходит миссия, и поэтому Он – Начало и движущая Сила, исходный момент миссии.²¹ Эта миссия глубоко коренится в любви Божией, любви, о которой говорит стих Евангелия от Иоанна 3:16, равно как и все тексты Иоанна.²² Триединый Бог любил так, что

¹⁷ Papapetrou 113.

¹⁸ Johnston 283. Возможно, что таким образом наступило начало конца библейской критики. Это несомненно имело меньше значения для православной традиции, хотя и оказало определенное влияние на решения Второго Ватиканского собора.

¹⁹ Jahrbuch Mission 1994. Bd. 26. Hamburg: Missionshilfeverlag, 1994. 193–198. В "Сообщении о совещании между православными и евангелистами" обсуждались в ряду других моментов общие позиции сторон. Евангелисты среди прочего признали то, что учение семи Вселенских соборов (325–787) "в значительной степени усвоено евангелической мыслью" (с. 195). По вопросу о миссии было сказано, что "призыв к миссионерству имеет существенное значение для жизни Церкви". "Дальнейшее исследование понятия евангелизации и методов евангелизационной работы оказало помощь для всех сторон, а наше понимание роли Церкви и ее миссии побудило нас к поиску ответов на социальные проблемы нашего времени – проблемы нищеты, расизма, экологии, аборт, евтаназии и секса" (с. 195). Наиболее проблематичной частью общих исканий остается вопрос о церковном предании (ср. с. 196 сл.). Для Джонстона основание для диалога с ПЦ находится скорее в самоидентификации евангелистов: "Евангелисты должны осознать то, что сегодня они обрели уважение со стороны православных и католиков благодаря их евангелизации и Лозанскому соглашению" (с. 348).

²⁰ Keshishian From Partnership 113. Ср. также исследование Saayman 90 сл., а также статью Bria I. Unity and Mission From the Perspective of the Local Church: an Orthodox View // The Ecumenical Review. Т. 39. 1987. 265–270.

²¹ "Если мы внимательно изучим контекст заповеди Господа идти и проповедовать христианство всем народам, крестя их во имя Отца и Сына и Святого Духа, мы увидим, что сделать это человек может только силой Святого Духа" (Orthodox Study Bible. Nashville, 1993. комментарий к Мф 28:19).

²² "Если любовь Бога, которую он явил, послав Иисуса Христа, является "богословской точкой отсчета" миссионерства..., то такая же любовь должна находить выражение в Его посланцах. Только благодаря тому, что ими движет любовь, которая как и любовь Господа во Христе проявляется в kenosis, они могут идти к тем, кто находится по ту сторону христианского сообщества" (Bosch D. J. Transforming Mission. Marykholl, 1992. 208–209). "Если основой миссии с точки зрения Восточной Церкви является любовь, то ее цель жизнь" (С. 209). И то, и другое

Он спасает человечество, действуя как Отец, Сын и Дух Святой. Саайман справедливо устанавливает прямую связь между *missio Dei* и тринитарной миссиологией ПЦ.²³

Церковь как таковая не имеет миссии. Ее Миссия заключается в том, чтобы участвовать в Миссии Бога. Миссионерская деятельность является сутью Церкви. Таким образом, миссионерство это не одна из "функций" Церкви, а ее жизнь, которая выходит за рамки себя самой, чтобы объединить все человечество, все творение. Миссия Церкви это не ее расширение, а установление Царства Божия. Единство и миссию нужно понимать в перспективе грядущего Царства. Они являются органическими составляющими Царства и динамически взаимосвязаны.²⁴

Здесь необходимо напомнить, что Царство и Церковь для ПЦ являются практически одним и тем же. Поэтому в качестве цели на будущее в богословии ПЦ творение должно стать *ecclesia*. В этом понятии ПЦ можно увидеть следующее отношение к миру и к миссии в отношении мира:

Богословие апостольской миссии, которое, прежде всего, обращено к миру, вследствие этого является чуждым для православного понимания миссионерской деятельности. Миссию в Православной Церкви можно охарактеризовать скорее как деятельность внутреннюю, обращенную на саму Церковь и на Троицу Бога, как начало жизни и сущность Церкви, а не внешнюю, которая ставит целью работу с миром вне Церкви так, как это делает Протестантское миссионерское движение.²⁵

Таким образом, миссия и Церковь существуют неразрывно друг от друга, и здесь нет никаких "снаружи" и "внутри", как мы это видим, главным образом, в баптистской миссиологии, которая определяется лишь в понятиях экклезиологии и дуалистичного противопоставления Церкви и мира.²⁶ Об этом лучше всего сказать словами К. Е. Папапетру:

Церковь вне миссии это не Церковь. Миссия только тогда является миссией, а Церковь только тогда является Церковью, когда они обе едины. Тогда Церковь не может быть ничем иным, кроме как *missio Dei* в мире. Присутствие-в-мире Церкви может иметь смысл только в том случае, если ей Бог поручает определенное задание и эта миссия делает Церковь Церковью. При этом следует также говорить о христологическом и пневматологическом основании Церкви. Церковь как миссия представляет в истории *prolongatio* Христа.²⁷

Таким образом, Церковь и миссия едины, поскольку сущность и действие Церкви и миссии неотделимы друг от друга. До определенного момента, согласно Папапетру, мир, Церковь и миссия могут также составлять единое целое. Это имеет место, по крайней мере, в их пересечении друг с другом. А на миссиологический вопрос, имеет ли сегодня Церковь миссию или является ею, по крайней мере, Папапетру отвечает, что сама Церковь есть миссия.²⁸ "Таким образом, миссия Церкви состоит не только в действии, направленном 'вовне', но также и в действии 'внутри'. 'Внутренняя миссия' Церкви это не только нечто внутреннее, но это также миссия".²⁹

проистекает из богословия Иоанна, поскольку Православная Церковь в большой степени ориентируется в своем богословии на Иоанна Богослова. Это становится ясно, если мы определим цель прихода Христа в наш мир. Бош отмечает, что в вопросе о цели посланничества Христа между ПЦ и протестантским пониманием существует определенное различие: "Христос пришел на землю не только для того, чтобы простить нам наши грехи, но, в первую очередь, чтобы восстановить в нас образ Божий и дать нам жизнь. Мы провозглашаем "слово жизни в жизнь". Ср. также работу E. Voulgarakis'a, цитируемую в Bosch 209.

²³ Saayman 96.

²⁴ Keshishian A. Unity and Mission in the Context of the Middle East // *Orthodox Perspectives on Mission*. 98.

²⁵ Saayman 96.

²⁶ Little F. H. *The Anabaptist Theology of Mission* // *Anabaptism and Mission* / Shenk W. R. Scottdale, 1984. 13 сл.

²⁷ Papapetrou 105.

²⁸ Там же. С. 105.

²⁹ Там же. С. 106.

Обобщая, можно сказать следующее в отношении Бога, Церкви и мира:

Итак, *Missio Dei* это сущность Церкви, ее всецелая функция, ее загадочная жизнь в этом мире. Миссия это принесение эсхатологического начала в мир, сакрального в профанное. Поэтому именно Церковь представляет собой встречу, общение человеческого и божественного, профанного и сакрального, имманентного и трансцендентного. Церковь это преодоление пропасти между Богом и человеком, вечным и временным, эсхатологическим и историческим. Церковь это единство между двумя реальностями, которые в результате грехопадения стали полярно противоположны друг другу. Церковь одновременно является мирской и божественной, она представляет собой мир, который принят Богом. Насколько Бог принимает к Себе мир, настолько мир воспринимает Бога. Принятие Богом мира одновременно означает принятие миром Бога. Церковь это просветленная природа, устойчивое преодоление мирского, насколько в Церкви мирское воспринимает божественное. Церковь это не некое промежуточное состояние мира, движущегося к Богу, но обожествление мирского.³⁰

2.1. Единство Церкви как историческое стремление Православной Церкви

Миссия в понимании ПЦ это постоянное бытие и действие единой Церкви.³¹ "Смысл существования Церкви включает в себя два неразрывных измерения: единство во Христе и служение человечеству".³² Розенкранц еще более подчеркивает эту мысль:

"Миссия и единство" означают, что миссионер может проповедовать единое Евангелие только тогда, когда он полностью осознал, что за его спиной стоит историческое церковное сообщество, что он свидетельствует силой Святого Духа по праву своей личной принадлежности к единой апостольской церкви.³³

Единство и миссия уже потому вместе воспринимаются в ПЦ, поскольку сама история ее ведет к этому. Непреодоленное прошлое раскола Церкви на восточную и западную лежит тяжелым грузом на ПЦ с 1054 г. В то время как церковный раскол не препятствовал западной церкви выполнять миссионерские задачи, для Православной Церкви главной задачей, по-видимому, являлось возвращение церковного единства, что было объявлено главной миссией Церкви в месте предыдущих миссионерских задач.³⁴ Стремление воссоздать церковное единство оставалось главной задачей Церкви на протяжении второго тысячелетия. При этом никто не собирался

³⁰ Там же. С. 107.

³¹ "Для православных единство и миссия являются церковными актами, в которые вовлечены все верующие; они образуют единую еклесиологическую реальность. На самом деле, с православной точки зрения, миссию в единстве можно назвать словом "соборность". Поскольку Церковь является телом Христовым, а тело может быть только одно, единство Церкви это единство Христа и триединого Бога силой Святого Духа" (Bosch 208).

³² Keshishian 97.

³³ Цитируется в работе Боша: Bosch 208.

³⁴ Amzar D. C. Die orthodoxe Kirche und die Wiedervereinigung der Kirchen // *Kyrios*. 6. 1966. 193 ПЦ с самого начала ставила перед собой задачу восстановления единства: "Первые переговоры с Римом прошли уже спустя двадцать лет с момента великой схизмы 1054 года при императоре Михаиле Дуке (1071–1078) и были продолжены практически всеми его преемниками вплоть до первой церковной унии в Лионе (1274). Все это происходило несмотря на печальный опыт государства, Церкви и народа Византии в отношениях с западными христианами, проводивших крестовые походы (1204 до 1261). Особенно негативно сказался на этих отношениях период римского господства в Византии. Поскольку эта уния оказалась непрочной, в следующем веке вновь возобновились переговоры об унии на этот раз, однако, они проходили на фоне турецкой угрозы. Уния была заключена во Флоренции (1439). Однако в Константинополе официальное объявление о ней было сделано лишь в декабре 1452 года, т.е. ровно за шесть месяцев до завоевания Константинополя турками. Эта уния также не имела продолжения. Практически она не пережила восточно-римскую империю. В России она никогда не была признана... С падением Константинополя эпоха переговоров об унии между Востоком и Западом завершается".

жертвовать догматикой ради единства. Единство всегда понималось как единство в православном, и, следовательно, в едином богословском духе, который, по крайней мере, включал в себя решения соборов первого тысячелетия.³⁵ И хотя семь Вселенских соборов составляют основу практически всех христианских церквей, следовать за призывом к единству в русле особого понимания ортодоксальности ПЦ практически невозможно для католиков и протестантов. Здесь следовало бы также не упустить из виду эйфорию Папапетру:

Второе тысячелетие прошло под знаком разделения Церкви. Сегодня мы живем в конце этого тысячелетия в то время, когда мы увидим начало нового тысячелетия и не без основания будем надеяться на то, что это начало станет началом воссоединения Церкви. Если в истории Церкви двумя великими событиями были основание Церкви и разделение Церкви, то восстановление полноты Церкви будет третьим великим событием, событием настоящего и будущего, к которому христиане во всем мире не должны оставаться безучастными, а должны надеяться и верить. Итак, сегодня мы находимся в центре экуменического процесса, если мы думаем о прошлом, настоящем и будущем миссии.³⁶

2.2. Единство как цель миссии

Как мы уже видели выше, восстановление единства Церкви с момента ее раскола являлось главной миссионерской задачей ПЦ. При этом понятие единства все же представляется несколько отличным от того, что вкладывает в него западная Церковь в своем экуменическом стремлении. Кешишьян показывает, что это единство понимается не как организующее, а как органично присущее Церкви. Его понимание этого вопроса можно обобщить в виде десяти пунктов:³⁷

1. Единство Церкви это не догматический *modus vivendi* и не совместное деяние, а также не мирное сосуществование.

2. Единство Церкви необходимо для православного учения о Царстве Божием и Церкви. Однако в православном понимании Царство Божие и Церковь едины.³⁸

3. Евхаристия это место, где единство Церкви празднуется в сообществе со Христом.³⁹ Здесь находится средоточие церковного единства. Евхаристия для ПЦ является осмысленным символом единства. Поэтому евхаристия является не только источником единства, но и миссией единой Церкви.⁴⁰

4. Единство это также продолжающаяся диакония. У Церкви не просто есть диакония, но она сама является диаконией, "а именно, продолжающимся и самопо-

³⁵ "Восстановление единства произойдет, скорее всего, благодаря возвращению к исторической доктрине (общей для всех церквей) первых семи экуменических соборов. Об этом было заявлено в обращении православной стороны на Втором Съезде ВСЦ, проходившем в Эванстоне в 1954 году." (Saayman 92). Далее он приходит к заключению: "Восстановление единства возможно в том случае, если истинный экуменический собор будет создан на основе доктрины первых семи экуменических соборов. Цель такого собора, таким образом, будет состоять не в том, чтобы сформулировать доктрину о единстве, а чтобы быть средством для познания и выражения единства Христовой Церкви" (с. 92–93).

³⁶ Parapetrou 111.

³⁷ Саайман справедливо указывает на то, что попытки западных миссиологов сформулировать православное понятие единства так и остаются западными инициативами (с. 91). Тем не менее, я попытаюсь здесь выразить словами то, что такое единство в православном понимании.

³⁸ Keshishian Unity and Mission. 98.

³⁹ "На Востоке кафоличность, которая является другим названием для единой миссии, понималась как выражение апостольского призвания и готовность Церкви разделить "всю правду" (Ин 16,13) в каждой конкретной исторической и культурной ситуации. Кафоличность чужда как для мировой экспансии, так и для организационного единообразия и юридической централизации; она основывается на понимании "кафолического" характера местной общины как евхаристического собрания людей во главе с епископом" (Bria Unity and Mission. 266).

⁴⁰ "...Вся православная концепция единства Церкви отчетливо и наиболее полно выражается и осуществляется в евхаристическом собрании членов Церкви. Здесь для нас сердце православия" (Keshishian Unity and Mission 98–100, а также Saayman 95).

жертвенным ученичеством Христа, направленным на изменение мирового сообщества и новое созидание падшего мира в соответствии с планом Божиим. Посредством диаконии Церковь объединяется с Христом и в то же время приносит Христа в мир". Таким образом, диакония не только является выражением церковного единства, но также сообщает о миссии Божией в отношении мира.⁴¹

5. Единство, а, следовательно, и миссия, это солидарность с угнетаемыми. Вера в Троицу Бога и проповедь Евангелия означает, что у христиан должна выработаться твердая позиция по отношению к несправедливости. Церковь существует для Царства, Царству она и служит. Церковь не может оставаться евхаристическим сообществом людей символом, предвестницей и святыней Царства, если она не видит сломленности мира, мирится с насилием, ненавистью, несправедливостью и злом. Таким образом, любая попытка провести границу между единством, миссией и социальной несправедливостью свидетельствовала бы об отрицании истинной природы Церкви.⁴²

Эта солидарность предполагает также протест против угнетения и насилия в обществе для помощи бедным. Миссия приходит к нуждающимся и выступает против национализма, колониализма и всех иных общественных явлений, нарушающих права человека. Эти действия свидетельствуют о единстве Церкви и помещают христианскую миссию в различные социальные условия, включая религиозный плюрализм.⁴³

6. Единство – это также миссионерский призыв к обновлению. Это обновление приходит из нового отношения к Богу. Мир, находящийся в процессе обновления, вступает в союз с Ним. Поэтому миссия это не "расширение Церкви...", но существенное обновление местной общины ради обновления всего человеческого сообщества".⁴⁴ Это единство в обновлении есть цель миссии, а именно обновление нарушенной связи между миром и Христом и спасением.

7. К моменту церковного единства и миссии Кешишьян причисляет и диалог в обществах с религиозным плюрализмом.

Наши взаимоотношения с Богом и миссия, обращенная к миру, не могут восприниматься отдельно от взаимоотношений с нашими соседями. В современных многонациональных государствах "вера моего соседа и моя собственная не просто сосуществуют; они взаимодействуют и влияют друг на друга. На самом деле, мы всегда напоминаем себе в наших экуменических исканиях о том, что единство Церкви и единство человечества вещи взаимосвязанные, и мы являемся свидетелями растущего взаимодействия между живыми верами. Мы также пришли к осознанию того, что изменение мира и строительство мирового сообщества не является больше односторонним предпринятием. Оно предполагает взаимную открытость, диалог и партнерство".⁴⁵

Диалог приводит Церковь к динамическим отношениям с миром и сообщает ей и миру, в котором она находится, то обновление, которое является миссией и ведет к единству.⁴⁶

⁴¹ Там же. С. 101. В связи с этим Кешишьян указывает также на то, что именно диакония в трудных ситуациях, например в тех географических регионах, где Церковь встречается с мусульманами, а также с другими обществами, исповедующими различные религии, показывает направленность миссии Церкви на человека. Это позволяет налаживать мосты сотрудничества и сообщества, чтобы даже в таких трудных ситуациях созидать единство и веротерпимость.

⁴² Там же. С. 102.

⁴³ Там же.

⁴⁴ Там же.

⁴⁵ Там же. С. 103.

⁴⁶ Это, несомненно, представляет собой трактовку, достойную внимания. Если предположить, что эта статья имеет в виду ситуацию, в которой ПЦ находится на Ближнем Востоке, тогда ее автор несомненно прав в том, что церковный диалог в исламском контексте является вопросом выживания и в этом смысле является миссией. Если же взглянуть на ситуацию в славянских православных церквях, то их история до недавнего прошлого была совершенно иной. Вместо диалога здесь имела место конфронтация как в России, так и в Болгарии, Румынии. Если вспомнить о войне между мусульманами и православными в недавнем конфликте в Югосла-

Единство и миссия Церкви это жизнь, не в смысле выживания, но в смысле продолжения жизни в меняющемся мире с его влияниями и угрозами церковному единству. Здесь должна быть жизнь, и единая Церковь должна дарить жизнь миру.

9. Единство это служение прощения Церкви в мире с той целью, чтобы примирить Бога с человечеством, примирить людей между собой, примирить все творение.⁴⁷

10. Единство также продвигает активное свидетельство Церкви *martyria*.

"...Единство это совместное единение в жизни Троицеобразного Бога, а миссия участие в работе, которую Бог осуществляет в этом мире... Таким образом, верность единству и участие в миссии свидетельствуют об истинном жертвенном ученичестве. Это живая *martyria*".⁴⁸

Саайман разрабатывает и другие аспекты православного учения о единстве, где он указывает на учение о Троице, которая для ПЦ служит образом, иконой единства. "Единство Церкви это определенный факт, который в конечном итоге придает символическое выражение единству внутри Троицы". Церковь также является единой Церковью благодаря вселенскому господству Христа, что в православном учении совпадает с понятием Церкви.⁴⁹

Саайман справедливо рассматривает понятие единства и миссии ПЦ как результат ее пребывания в многорелигиозном мире, который можно увидеть на фоне доминирующих религий, как, например ислам на Ближнем Востоке, или государства, как, например тоталитарная система недавнего прошлого на Востоке.⁵⁰ История и современный практический опыт некоторых мест, например в славянских православных церквях, показывает несколько иную картину. Тем не менее, та формулировка понятия единства, которую дали представители ПЦ в рамках ВСЦ, представляет собой значительный вклад в восстановление единства Церкви и определение ее миссии, как для Запада и Востока, так и для Севера и Юга, всех церквей, призванных к экуменическому единству.⁵¹

3. Евхаристия, литургия, диакония и миссия

3.1. Евхаристия и миссия

Евхаристия, как уже было показано выше, играет центральную роль в ПЦ не только в понимании вопроса о единстве, но также в вопросе о миссии ПЦ. При этом совершение евхаристии в ПЦ является не тем символическим действием Церкви, как это обычно понимается в реформированных церквях на Западе. ПЦ основывает на евхаристии свою еkkлесиологию, "евхаристическую еkkлесиологию", которой в по-

---

вию или о многовековой вражде между армянской Православной Церковью и их исламскими соседями Азербайджаном, тогда говорить здесь о пути диалога не приходится. Ср. работу Джонстона (с. 280) и реакцию экуменистов: "Сообщение раздела III, 'Обновление церквей в миссии', разбило сильные системы государственных институтов, которые церкви третьего мира связывают с международными деноминациями, как например централизованные Православная и Католическая Церкви или конфессиональные мировые союзы".

⁴⁷ "Поскольку общность православных церквей это единая Церковь под водительством Иисуса Христа, то вполне логично, что единство Церкви также должно зависеть от единства человечества. Это действительно так, поскольку Церковь должна конкретизировать космические масштабы спасения через веру во Христа в это (наше) время, которое соединит весь мир в одно" (Saayman 94).

⁴⁸ Keshishian Unity and Mission. 105–106. См. также The Orthodox Study Bible, комментарий к Ин. 17, а также к 1 Кор. 5:18–20.

⁴⁹ Saayman 93.

⁵⁰ Там же.

⁵¹ Там же.

следнее время особенно много уделяют внимания русские православные богословы.⁵²

Внутренняя и внешняя миссия "проходит в Церкви" там, где соприкасаются божественное и человеческое, и происходит принятие мира Бога и принятие Бога миром.⁵³ Поэтому миссия это "доксологическое движение, приглашение к участию в жизни великого Бога, мистическое сопричастие Его Славе и единство славе, которую должно открыть".⁵⁴ Все человечество вовлекается в ecclesia.⁵⁵ Каждая евхаристия становится в ПЦ миссией Церкви, чтобы эта вовлеченность расширяла свои границы.⁵⁶

Евхаристия в ее отношении к миссии в ПЦ может быть определена следующим образом.

1. Совершение евхаристии имеет миссиологическое измерение по вертикали и горизонтали. С одной стороны, в ней действует Бог через спасение и искупление.⁵⁷ То, что позволяет соединиться в евхаристии с Троициным и вспомнить Его спасительное действие на кресте и Его воскресение, что делает возможным это празднество искупления и распространяется на весь мир, это и есть миссия. С другой стороны, в горизонтальном измерении празднуется и переживается в евхаристии искупление всего человечества.⁵⁸

2. "Евхаристическая открытость для мира не является слепым проявлением самосознания Церкви в мире. Это полное, действенное и осознанное участие в работе, которую Бог осуществляет для обновления, примирения и изменения человека и творения".⁵⁹ При этом становится ясно, что евхаристия это не только Воспоминание о спасительном действии Божиим во Христе, об ответственности Церкви за мир, в котором она призвана действовать. В евхаристии выражается также любовь Бога к падшему человечеству, которая требует сегодня совершения спасительного действия. Таким образом, миссия глубоко коренится в евхаристии.⁶⁰

3. "Евхаристию и миссию нужно воспринимать не как две независимые функции Церкви, а как две взаимосвязанные стороны одного процесса, направленного на создание Царства Божия".⁶¹ Поскольку мы говорим о евхаристической экклезиологии ПЦ, в которой оба этих момента иницируются и продолжаются Богом, в этом объединении выражается *missio Dei*.⁶²

4. Евхаристия имеет продолжающуюся миссию единства, которая продолжает иметь значение для телесного единства Церкви и после литургии. Она выражается не только в "литургии после литургии",⁶³ но также и через время и пространство.⁶⁴

5. Евхаристия выражает воплощение Бога в страдающем и смертном мире. Он страдает на кресте, умирает и восстает в торжестве победы как Живой, Вездесущий Бог, чтобы принести спасение страдающим, лишенным надежды, бедным и боль-

⁵² Harkianakis S. "Uber die gegen"artige Situation der Orthodoxen Kirche // Kyrios. 6. 1966.231 сл.

⁵³ Papapetrou 107.

⁵⁴ Yannoulatos 19.

⁵⁵ Bria Martyria Mission 7.

⁵⁶ Bosch Martyria/Mission 7.

⁵⁷ Anastasios of Androusia. The Purpose and Motive of Mission // International Review of Missions. T. 54. 1965. 285.

⁵⁸ Keshishian A. Justice, Peace and Integrity of Creation in a Eucharistic Perspective // Orthodox Perspectives on Mission. 26.

⁵⁹ Там же. С. 27.

⁶⁰ Там же.

⁶¹ Там же.

⁶² Harkianakis 231.

⁶³ "Евхаристия всегда знаменует конец, таинство parusia, и, вместе с тем, это всегда начало, отправная точка: теперь начинается миссия" (Schmemmann A. The Missionary Imperative in the Orthodox Tradition // The Theology of the Christian Mission / Anderson G. H. London, 1961. цитируется в книге Bosch 210.

⁶⁴ Ср. сводные комментарии в книге: The Orthodox Study Bible., а также Keshishian Justice, Peace and Integrity. 27.

ным. "Распространение евхаристии во времени и пространстве процесс не простой, а жертвенный, поскольку он проявляется не в сострадании или помощи, но в полной причастности к страданиям и боли мира, проявляющейся в самопожертвенной любви". Продолжающееся воплощение Христа в мире постоянное свидетельство и источник силы для радующейся Церкви, которая по сути своей является свидетельством миссии Бога.⁶⁵

Церковь всегда должна помнить о евхаристическом видении своей миссии и о природе воплощения, которая присуща евхаристии. Евхаристия это "первый плод" новой твари, принесенный за обновление и изменение всего мира. Это живое и постоянное напоминание, обращенное к миру, о том, что "исполнилось время и приблизилось Царство Божие" (Мк. 1:15). Евхаристия это милость и приглашение, обещание и вызов.⁶⁶

3.2. Литургия как миссия

Евхаристия это сердце православной литургии. Литургия теснейшим образом связана с православной экклезиологией.⁶⁷ Поскольку Церкви не поручена миссия, а сама Церковь является миссией и поэтому является частью свидетельства, ибо она есть Царство Божие на земле, по этой причине литургия является проповедью миссии в Церкви и через Церковь.⁶⁸

С точки зрения православной веры, миссия является скорее центростремительной, нежели центробежной, органической, нежели организованной. Она "проповедует" Евангелие через доксологию и литургию. Община, которая свидетельствует о Боге, есть община, принимающая участие в богослужении; на самом деле, община на богослужении сама является частью свидетельства... Это так, поскольку сама литургия имеет миссионерскую структуру и цель... и совершается как "миссионерское событие".⁶⁹

Содержанием православной литургии является Слово Божие, которое читается, поется и почитается в разнообразных символах и формах. Тем самым оно становится живым Словом, которое прославляется в Церкви и проповедует миру для искупительного действия.⁷⁰ Эта литургия проповеди и поклонения продолжается и в искупленном Царстве Божием.⁷¹

Литургия это праздник в присутствии триединого Бога, доступный для всех людей, каждый участник которого совершает поклонение Троице.⁷²

Это помимо прочего объясняет, почему православная миссия не стремится, прежде всего, преодолеть (любые) границы, но сохранение Церкви через века, чтобы литургия, как вечно живое слово Божие, призывающее присоединиться к литургической общине, могла совершаться всегда. Без литургии миссия не может существовать и исповедовать Христа в этом мире.⁷³

Литургия поклонения объединяет человечество и призывает его к восхвалению величия Бога в многообразии различных языков и культур, но в едином Духе. Человечество во всем его многообразии и многоголосии так переплавляется в литургии,

⁶⁵ Там же. С. 28.

⁶⁶ Там же. С. 29.

⁶⁷ Bria I. The Church Role in Evangelism Icon or Platform? // *International Review of Mission*. Т. 64. 1975. 248.

⁶⁸ Там же. С. 245 сл.

⁶⁹ Bosch 207–208.

⁷⁰ В воодушевляющей работе Питера Гиллквиста (Gillquist P. E. *Becoming Orthodox A Journey to the Ancient Christian Faith*. Brentwood, 1989. 79–81) описывается, как евангелические прагматики открывают для себя литургию и через чистоту и ясность такой проповеди приходят в ПЦ. Здесь необходимо вспомнить прежде всего об истолковании текста Деян 13:2, показывающего, что уже в первохристианской Церкви литургия и говорение Духа Святого были единым целым.

⁷¹ Там же. С. 81 сл.

⁷² *The Orthodox Study Bible*. 2 (раздел "Литургия").

⁷³ Saayman 98.

что все вместе может восхвалить Его, Который объединил человечество во свидетельство и в качестве призыва к миссии.⁷⁴ "С точки зрения православия, это реализуется через таинства: именно таинства составляют основу Церкви. Они одни помогают христианской общине возвыситься над человеческим и мирским, и образовать Церковь".⁷⁵ Отсюда вытекает понятие "литургия после Литургии", о котором говорят Бриа, Кешишьян и другие православные богословы последних лет. Эта литургия после Литургии – есть миссия.

Обе формы можно назвать литургиями, поклонением Господу, поскольку они являются разными, но вместе с тем, взаимодополняющими средствами служения Ему и следования Его заповедям. Миссия Церкви миру, вторая литургия, основывается на излучающей и трансформирующей силе Божественной Литургии. Именно она делает возможным существование второй литургии.⁷⁶

3.3. *Диакония и миссия*

Диакония и миссия никогда не были для ПЦ противоположными понятиями, приоритетность которых следовало бы обсуждать, как это имеет место вплоть до настоящего дня у евангелистов.⁷⁷ Если миссия Бога это действие, а Церковь сама является миссией и, следовательно, не существует особой "внутренней миссии" или "внешней миссии", тогда диакония представляет собой не только внутреннюю, но и внешнюю миссию.⁷⁸ Роль, которую ПЦ играла в истории и политике Ближнего Востока в борьбе за существование и противостояние различным социальным формам религиозного плюрализма, особенно в мусульманских государствах, привела к созданию особой концепции миссии.⁷⁹ Диакония входит в любые социальные и общественные устройства, будь то тоталитарные общества или общества, враждебные христианству. Она свидетельствует о любви Божией. "Через диаконию Церковь становится единым целым со Христом и в то же самое время приводит Христа в мир.

⁷⁴ Yannoulatos 24.

⁷⁵ Там же. С. 20. Если вспомнить о тех преимущественно прагматических понятиях, которые в евангелических протестантских кругах восходят к МакГаврану, а также о процессе, который привел к деформации миссионерских целей в излишне деловой парацерковной организации, то данная православная концепция представляется более близкой к первоисточнику и предлагает определенную модель для серьезных исследований понятия миссии у евангелических протестантов.

⁷⁶ Там же. С. 210.

⁷⁷ В работе Бриа (Bria I. *Renewal of the tradition through pastoral witness // International Review of Mission*. Т. 65. 1976. 182.) речь идет о социальной вовлеченности Церкви в ее миссии и объясняется православный взгляд на это: "Это "новое" богословие мира развивается в двух направлениях: а) богословская онтология создания, которая подчеркивает космический масштаб спасения через веру во Христа, объединяющая и созидаящая сила которого простирается на весь мир и ведет всю человеческую историю к единой цели – осуществлению божественного замысла; б) социальная ответственность в мире, воплощение в конкретном месте в конкретное время духовного наследия общины. Православная Церковь, деятельность которой несправедливо считают консервативной и созерцательной, на самом деле всегда отождествляла себя с людскими тяготами и страданиями на протяжении столетий. Влияние, которое оказало участие православных церквей в борьбе народа с различными формами несправедливости и угнетения, не может быть переоценено. Православие настаивает, и всегда настаивало на том, что Церковь остается Церковью лишь тогда, когда она является посредником в союзе человека и Бога. Одностороннее же истолкование этого союза не может полностью раскрыть всеобъемлющий смысл спасения". Это "новое" богословие о мире, продолжает Бриа, не является чем-то совершенно новым, а составляет часть православной традиции. Это он пытается показать, главным образом, на примере Румынии.

⁷⁸ Rarapetrou 105–106.

⁷⁹ "Такое понимание диаконии всегда преобладало в жизни Церкви на Среднем Востоке. Оно являлось вечно живым источником роста в единстве и одним из наиболее эффективных способов свидетельства о Христе" (Keshishian *Unity and Mission*. 100–101). Ср. также роль ПЦ прежде всего в Восточной Европе не только в период турецкого господства, но и при коммунистах. Bria *Renewal of the tradition* 184–185.

Диакония является выражением единства Церкви и осуществлением Евангельского обетования".⁸⁰

При всех миссиологических заверениях в том, что они представляют собой Церковь, активно участвующую в диаконии, православные церкви скорее представляются обращенными внутрь себя, отчужденными от внешнего мира.

Православное христианство часто описывают как чудесный мир созерцательной, мистической и литургической жизни. Что же касается социального вопроса, то можно сказать, что в православии представляет наименее развитый, а иногда даже и наиболее отчужденный от социальной проблематики тип христианства. Подобная критика до определенной степени справедлива и спасительна, прежде всего, для нас самих, на кого она направлена. Однако следует также сказать в этой связи, что подобная критика обращает внимание лишь на внешнюю сторону православия и не пытается исходить изнутри православного учения о социальном вопросе.⁸¹

В самом деле, теоретические постулаты ПЦ о диаконии, а также о социальной ответственности, как уже было показано выше, гораздо более убедительны, чем реальные действия. Современная практика и история, скорее всего, подтверждают то, что мистически созерцательный характер ПЦ не дал возможности Церкви развить учение о диаконии в широком масштабе, как это произошло в западных церквях, а также в восточных протестантских церквях в современной ситуации распавшегося восточного блока.⁸²

4. Цель миссии

Для того, чтобы определить православную миссиологию, было не совсем правильно формулировать цели миссии в таких понятиях, как спасение, мир ("шалом"), евангелизация и т.п. С другой стороны, автор уже в начале настоящего исследования указал на то, что на сегодняшний момент миссиологические понятия и определения ПЦ формулируются в контексте экуменических отношений с другими церквями и потому могут быть сопоставлены с соответствующими понятиями западных церквей.

Спасение это понятие, которое используется и в терминологии экуменических православных. Любовь, исходящая от Бога, несет спасение и жизнь. Однако и то, и другое не замыкается исключительно на человеке. "Спасение или жизнь как цель миссионерской деятельности не ограничивается только людьми. Оно имеет космические масштабы".⁸³ Миссия в православной миссиологии является не просто направленностью к определенной цели, решающее значение в ней имеет понятие теозиса, обожения, как справедливо замечает Бош. "Обожение относится к упразднению потери образа Божия и превращение прежней твари в новое создание для новой вечной жизни... Если это происходит, миссия достигает своей цели".⁸⁴ Миссия, таким образом, заканчивается вечным присутствием Божиим, и это является ее конечной целью. "Безраздельная слава Божия наполняет вечность и остается конечной целью вселенной. "В вечную славу Свою во Христе Иисусе" (1 Петр 5:10). Господь и призывает нас своей миссией".⁸⁵ В этом пришествии, парусии Церковь видит цель своей миссии, чтобы объединить все сущее и воссоединиться с триединым Богом. "Все мироздание находится в процессе становления экклесией, Церковью, Телом Христовым".⁸⁶

⁸⁰ Keshishian Unity and Mission. 101.

⁸¹ Hakrianakis 232–233.

⁸² Так же. С. 234. Ср. также наблюдения, сделанные в этой работе по поводу динамики развития восточноевропейских церквей.

⁸³ Bosch 209.

⁸⁴ Там же.

⁸⁵ Yannoulatos 16.

⁸⁶ Bosch 209.

4.1. Спасение как проповедь

В истории экуменического движения двадцатого века имела место длительная дискуссия по вопросу о проповеди и присутствии, действенных свидетельствах миссии. В ПЦ, несомненно, были освоены оба этих пути.⁸⁷ В истории православного миссионерства для этих целей чаще всего использовались иконы. Особенно характерным это было для русского миссионерства, например, на Аляске. Этот вопрос, разумеется, также является предметом горячих дискуссий.⁸⁸ В то время как ПЦ использует такие формы проповеди, как литургия, она ограничивает те формы проповеди, в которых возвещается спасение, т.е. происходит евангелизация.

Православие особо подчеркивает, что евангелизация не может осуществляться без участия Церкви, без учета ее духовного и сакраментального опыта, поскольку Церковь сама является частью благой вести, или, другими словами, она представляет собой новую реальность, воплощенную в исторической действительности. Евангелизация это, в некотором роде, самопровозглашение Церкви как живого свидетельства союза Бога и христиан.⁸⁹

Таким образом, евангелизационная проповедь осуществляется в Церкви через саму Церковь. Она через словесную молитву, символические действия и самим своим присутствием молится о спасении мира.⁹⁰ Проповедь спасения выражается в поклонении, которое совершает община верующих. Здесь, где мистически постигается вера, Писание говорит через Церковь в литургии. Это тот путь, о котором сегодня так часто говорят в нашем секуляризованном мире и который приветствуется академиками, учеными, политиками и социологами.⁹¹

4.2. Спасение как обновление

Спасение как обновление можно видеть в Православной Церкви уже в богословии Иоанна о свете и жизни. Христос пришел в мир, чтобы дать ему свет во всей

⁸⁷ Anastasios of Androussa. *Orthodox Mission Past, Present, Future* // George Lemopoulos. *Your will be done: Orthodoxy in Mission*. Geneva, 1989. 63–92.

⁸⁸ Там же. С. 67–68.

⁸⁹ Bria *The churches role*. 245.

⁹⁰ Отношения между миром, Церковью и Богом мы уже анализировали выше. Интересно отметить определенную зависимость Церкви от мира, связь общества, государства и Церкви. Это уже было показано Бошем (с. 205). Православное богословие еще в недавнем прошлом показывало связь государства и Церкви, что никогда не делалось в западной Церкви, хотя в Западной Европе такая взаимосвязь государства и Церкви достаточно сильна. Поэтому концепция цезаропапизма ставит ПЦ в особое положение к обществу и государству. Здесь политический властитель одновременно является духовным вождем. Насколько широко осуществляется в таком контексте евангелизация и миссионерство целиком зависит от политических интересов этого властителя. Например, миссионерство в Сибири, на Кавказе, а также среди мусульманского, анимистского и буддистского населения России происходило параллельно с внедрением русской государственности в этих регионах, что и происходило в 19 веке. Бриа, стараясь придать этой связи положительный фон, говорит следующее:

"Было бы неправильно применять западные категории к нашей ситуации, утверждая, что разделение между Церковью и государством является характерным выражением поляризации Церкви и народа, веры и культуры, божественного и человеческого. Разумеется, в настоящее время Церковь больше не может претендовать на традиционную социальную и национальную роль не только потому, что литургия не является больше единственным фактором, объединяющим людей, но также вследствие того, что Церковь вновь должна обрести свой подлинный духовный образ, не говоря уже об определенном налете бездуховности, которую ей придали различные структуры прошлого и благодаря которым она стала выглядеть более "мирской" организацией. Функция "иконы" для Церкви представляется крайне важной для христианской миссии в сегодняшнем мире, для противостояния Церкви человеческой истории и культуре на духовном уровне" (*Bria Renewal of tradition*. 246).

И все же он остается в границах, очерченных предыдущей традицией. Это та же ситуация, которая стоит на пути духовного пробуждения в Восточной Европе, поскольку главенствующую роль в ней играет не необходимость спасения, а территориально-географические притязания.

⁹¹ Там же. С. 248.

полноте. "Обновление означает появление в жизни человека милости Божией как источника, из которого он может черпать силы для дальнейшей жизни".⁹² Тот, кто верит в Бога, получает не просто прощение грехов, но жизнь вечную. Это нынешнее настоящее в жизни верующего, жизнь в присутствии, в котором постоянно происходит обновление. Эту мысль можно найти в посланиях апостола Павла (2 Кор. 5:17) как результат, ожидающий тех, кто пребывает во Христе. "Поскольку Господь создал все через Иисуса Христа, Он изменит и соединит все – как духовное, так и материальное для Себя через Христа".⁹³ Обновление содержит также прощение и искупление человека и его принятие в общение (κοινωνία) со Христом в Духе Святом для восхваления Его величия.⁹⁴

В самом центре процесса обновления находится глубокое переживание опыта Христа. В действительности, дело здесь не столько в глубине переживания, сколько в стремлении построить свою жизнь согласно Божьей воле. С этого момента мы имеем право говорить об ученичестве, которое берет свое начало в глубоком личном покаянии и обращении. Общее название для этого – освящение.⁹⁵

1. **Обновление Церкви происходит через Святого Духа.** И поскольку Он является Началом и Силой Церкви, Он также является Обновителем Церкви. "Святой Дух действует в мире через Церковь. Церковь это "новое творение", которое появилось, постоянно развивается и поддерживается Святым Духом".⁹⁶ И все же Церковь есть сообщество под знаком креста. Сообщество новых людей, очищенное крещением и обновленное Богом через жертву Христову в силе Духа Святого.⁹⁷ Сообщество, которое всегда нуждается в постоянном обновлении, чтобы принести обновление в мир. "До второго пришествия Иисуса Христа Церковь призывает к Духу Святому, чтобы превратить преломленный хлеб в Тело Христово для преодоления разрыва между Богом и человеком".⁹⁸
2. **Обновление всей вселенной (космоса) это финал спасения Божьего.** Поэтому обновление "не сводится только к Церкви. Оно объединяет все человечество, историю и мироздание".⁹⁹ Христос пришел в мир (космос), чтобы принести обновление и спасение Божие. Умаление значения этого воплощения Бога рассматривается в ПЦ как умаление спасения, принесенного Богом.

4.3. Спасение как мир

Спасение как мир определяется в ПЦ практически в духе экуменического богословия. Понятие мира (шалом) влияет не только на все области человеческой жизни, но и на бытие всего космоса.¹⁰⁰ Кешишьян, как один из представителей православия, по сути, не говорит чего-либо выходящего за рамки экуменического понимания, когда он делает такое заключение:

В библейском понимании мир не может быть достигнут усилиями человека. Мир это жизнь Бога, справедливость и освобождение, предложенное человечеству и всему мирозданию. Мир реализуется в личности Иисуса Христа. Он был и остается единственным миром мира, его крест – путем к примирению, а воскресение – победой мира. Тот, кто признает Христа своим спасителем, обретает мир, тот же, кто отвергает Его – обречен на смерть.¹⁰¹

⁹² Bria I. *Renewal in Mission Challenge and Response* // *International Review of Mission*. Т. 79. 1990. 55

⁹³ *The Orthodox Study Bible*. 413.

⁹⁴ Еф 1:13–14 и также комментарий в работе Yannoulatos 19 сл.

⁹⁵ *Bria Renewal in Mission*. 55.

⁹⁶ Keshishian A. *Come, Holy Spirit, Renew the Whole Creation: Its Implications for the Middle East* // *Orthodox Perspectives on Mission*. 59.

⁹⁷ Keshishian *Come, Holy Spirit*. 58–59.

⁹⁸ *Bria Renewal in Mission*. 56.

⁹⁹ Keshishian *Come, Holy Spirit*. 59.

¹⁰⁰ Keshishian *Justice, Peace and Creation*. 15–16.

¹⁰¹ Там же. С. 16.

4.4. Спасение как справедливость и освобождение

Справедливость и освобождение определяются в понятиях мира и внутреннего содержания спасения, что целиком совпадает с экуменическим богословием. При этом справедливость и освобождение охватывают все аспекты человеческой жизни. "Православие часто считают консервативным и созерцательным институтом, который сознательно проходит мимо исторических проблем".¹⁰² Однако фактически история ПЦ показывает не только сращение Церкви с государством и обществом, но и обособление от них.¹⁰³ Относительно этой области Бош также высказал критическое замечание: "Церковь вынуждена была приспособиться к существующему миропорядку, в результате чего общество и Церковь активно влияют друг на друга". Далее он говорит: "Православные церкви часто оказываются замкнутыми на себя, чрезмерно националистическими; их не заботит окружающий мир", что является нынешней проблемой, главным образом, в Восточной Европе.

4.5. Спасение как жизнь

Спасение как жизнь рассматривается в ПЦ в контексте евангельского текста Ин.3:16 и соотносится с понятием любви.¹⁰⁴ Кешишьян называет три существенных момента, которые говорят о "жизни" с православной точки зрения:

Жизнь это Божий дар. Она не принадлежит ни человеку, ни мирозданию. Они лишь призваны сохранять и обогащать ее для всех во славу Божию.

Жизнь священна; не потому, что Тот, кто дарит нам жизнь, свят, а потому, что она дается с благим намерением: для созидания Царства Божия.

Жизнь дается в своей целостности. Она объединяет физическую, биологическую и духовную сферы, которые проявляются как нераздельное целое. Любое проявление дуализма, который, так или иначе, долгое время превалировал в западном богословии, является чуждым для библейского богословия. Господь сотворил жизнь как единое целое. Все различия проявляются внутри этого неразделимого целого. Спасительная роль Христа затрагивает все сферы жизни, включая греховную природу человека и искаженное мироздание.¹⁰⁵

Дух Святой – Податель жизни в ее целостности и полноте. Это имеет значение для каждого человека, для Церкви и для всего мироздания (космоса). Спасение – это привнесение света и жизни в мироздание и в каждого конкретного человека. Насколько широко распространяются границы Царства Божия, настолько оно пронизывает жизнь мироздания. Начало этого шествия жизни ознаменовано приходом Света и Логоса, согласно Евангелию от Иоанна. Литургическая практика восточной ПЦ описывает это событие, в котором свет и жизнь пришли во тьму мира и тем самым принесли всему миру спасение через воскресение Христово.¹⁰⁶

Выводы и заключение

Православный взгляд на миссию, если вообще можно подобрать формулировки для выражения православной миссиологии, описывается при помощи разнообразных понятий, поскольку инициатива этого описания исходит, главным образом, от западной Церкви. Это описание представляет собой мозаичную картину различных понятий и концепций, все из которых в большей или меньшей степени возникли и были оформлены под влиянием экуменического богословия. Отчасти эта ситуация со становлением православной миссиологии напоминает рождение апологетики.

¹⁰² Bosch 210.

¹⁰³ Keshishian Justice, Peace and Integrity. 18–20.

¹⁰⁴ Ср. замечания Боша (с. 209).

¹⁰⁵ Keshishian Come, Holy Spirit. 57.

¹⁰⁶ Ср. примечания в The Orthodox Study Bible. 211.

Необходимо отметить, что и у ПЦ есть миссия, а с точки зрения православных авторов, сама ПЦ является миссией. Она начинается с тех встреч, которые проходили между ВСЦ и ПЦ, где были осуществлены первые робкие попытки разработать православную миссиологию. И хотя вначале эта миссиология терминологически напоминала католическую миссиологию шестидесятых и семидесятых годов, со временем она не только дала возможность развить самостоятельную позицию православных церквей, но и смогла добавить свой голос в общую миссионерскую симфонию ВСЦ. За последнее время, главным образом, за последние два десятилетия, со стороны православной миссиологии было сделано немало того, что ее представители смогли принести на мировую сцену миссиологии.¹⁰⁷

1. **Миссия в понимании православных авторов берет свое начало в Боге, точнее говоря, в любви (агапе) Божией, которая является движущей силой всякой миссии триединого Бога во всей истории. Эта любовь должна принести спасение и жизнь в падшее мироздание (космос), которые исходят от Бога-Троицы.¹⁰⁸ Это миссиологическое понятие, которое корректируется в библейском смысле, прежде всего, со стороны протестантской христологической миссиологии.**
2. **Краеугольный камень православной миссиологии лежит внутри Церкви. "Миссия всегда останется главным церковным делом, выражением жизнеспособности Церкви. Как невозможно себе представить Церковь без литургической жизни, так еще более невозможно вообразить ее без миссионерской деятельности".¹⁰⁹ Церковь и миссия, объединенные в *missio Dei*, действие триединого Бога, является наиболее важным и значимым вкладом, который смогли внести в ВСЦ православные миссиологи, и который идет еще дальше, чем протестантская "библейская" миссиология послевоенного времени. И для практических поисков методов миссионерской работы протестантские миссиологи должны понять важность и учитывать в своем миссиологическом учении, что Церковь и миссия едины, и они возвещают в мире Царство Божие через евхаристию и литургию. Это местонахождение и отправная точка миссии, которая приближает мир к триединому Богу.**
3. **Миссия в ПЦ имеет своей целью все мироздание, космос. Миссия обретает космический масштаб. В конце космос становится частью *ecclesia*, Церкви, а она Царством Божиим (басилейя). Эсхатологическим концом миссии является спасение, пронизывающее весь космос. Тем самым расширяется экуменическая миссиология, а творение и ответственность за него помещаются в контекст сохранения и обретения спасения. Здесь мы также обнаруживаем существенный вклад ПЦ в ВСЦ.¹¹⁰**
4. **Православная миссиология насыщена византийским богословием обособления, ортодоксальности веры, Предания и отцов Церкви. Даже современные православные миссиологи остаются в этих рамках и стараются разработать миссиологию в прежних понятиях. Так, остаются прежние формулировки об отношении между государством и Церковью. "Главный упор делался на сохранении и восстановлении, нежели на том, чтобы предпринимать шаги в неизвестном направлении". Это препятствие не только для развития миссионерской мысли, но, прежде всего, для реализации ее на практике, что приводит ПЦ в ловушку "замкнутости на себя, чрезмерной националистичности и отсутствия заботы об окружающем мире".¹¹¹**

¹⁰⁷ См. прежде всего список литературы, в котором перечислены, по крайней мере, основные православные миссиологи современности.

¹⁰⁸ Anastasios of Androussa. *The Purpose*. 281.

¹⁰⁹ Yannoulatos A. *Mission in the 90's // International Bulletin of Missionary Research*. April, 1990. 53.

¹¹⁰ Anastasios of Androussa. *Orthodox Mission*. 83.

¹¹¹ Bosch 212.

5. В связи с историческими событиями, происходящими, главным образом, в Восточной Европе, необходимо оценивать развитие православной миссиологии как чрезвычайно позитивное явление. В принципе, от ПЦ зависит выбор того духовного пути, по которому будет двигаться Восточная Европа. Массивное наступление протестантов и католиков на Восток будет иметь лишь незначительный успех.

С богословской и культурологической точки зрения ПЦ может многое предложить для Востока, если она будет готова к тому, чтобы вместо полемических и политических средств антиэкуменического поведения, приводящего к изгнанию других религиозных групп со своих территорий, в большей степени сосредоточиться на общем деле миссионерства на секуляризованном Востоке. Подобно западной Церкви, ПЦ также находится в эпохе постхристианства. Упреки в адрес Запада никак не помогают Церкви в Восточной Европе и Средней Азии справиться с ситуацией секуляризованного общества, оставшегося после коммунистического режима, и ощутить себя миссионерской Церковью внутри этого общества. Справедливо то, что обращенность ПЦ к отжитому менталитету древности помогла ей пережить трудные времена. Однако этого отжитого менталитета будет недостаточно для третьего тысячелетия, чтобы и в нем остаться величиной, заслуживающей признания.

"Если Православию необходимо будущее, оно должно родиться в условиях современной постхристианской культуры и быть свидетельством "небес на земле" в этой культуре".¹¹²

Прогресс в экуменическом миссиологическом духе, таким образом, усилит ответную реакцию восточных церквей. Воспоминания о дореволюционных временах, когда Церковь была облечена властью, и попытки вернуть назад эти времена не только скажутся негативно на других церквях, а впоследствии и на ПЦ, но также могут воспрепятствовать и даже нанести определенный ущерб миссии Божией.

Миссиология, исходящая из экуменического единства Церкви, благодаря которой ПЦ обрела авторитет на Востоке и в меньшей степени стала полагаться на своих протестантских и католических братьев и сестер, должна обязательно сохраняться. Сообщения из Болгарии, Румынии, России и других стран напоминают о том, что Православная Церковь, как властный политический инструмент дореволюционных времен, совершала по отношению к своим единоверцам (преследования, колонизации и порабощение), которые в последующие времена, когда уже ПЦ находилась в порабощенном состоянии, активно помогали ей через ВСЦ.

Остается надеяться, что вышеперечисленные моменты православной миссии, и, прежде всего, те из них, которые относятся к последним двум десятилетиям, будут продолжены Православной Церковью, как в теории, так и на практике.

ПРАВОСЛАВНАЯ МИССИОЛОГИЯ

протестантский взгляд

Введение

Понимание миссии в Православной Церкви, как оно описано в моей работе, явно отличается от концепций миссии, существующих как в Католической Церкви так и в протестантских группах, объединенных Советом Церквей, или у евангельских протестантов.¹¹³ Если эти различия и можно объяснить – все же существование многих различий между церквями удивляет, исходя из того факта, что Церковь имеет одну основу. При этом необходимо также заметить, что и внутри Православной (ых) Церкви (ей) существуют различные концепции миссии. Православной Церкви, в изменившейся ситуации в бывших коммунистических странах, дискуссия по отношению к пониманию миссии в особенности возобновилась и усилилась, что выявило к тому же широкий спектр различных подходов.

Необходимо также отметить, что наблюдается существенное различие между теологической формулировкой понимания миссии в Православной Церкви, которая для более прагматично мыслящих протестантов кажется несколько мистическо-философской, и практикой. Практика православной миссии иногда проявляет очень отрицательное лицо, подобно миссии, которая наблюдалась во время Контрреформации в западной Церкви. Эта короткая статья пытается выразить размышления протестанта о теоретическом понимании Православной миссии в сравнении с ее миссионерской практикой в наше время.

Миссионерская практика Православной Церкви – миссия как литургия, диакония и единство

Несмотря на то, что Православная Церковь настаивает на разделении географических территорий, находящихся под влиянием западной и восточной Церкви, эта средневековая концепция потеряла свою силу уже около 100-150 лет назад. В настоящее время и Православная Церковь имеет приходы во многих странах мира, традиционно считавшихся территорией католицизма или протестантизма, и так называемые западные церкви проявляют свое влияние в исконно православных странах. В особенности, в Православной Церкви диаспоры, как на Западе, так и в Африке, сегодня наблюдаются положительные моменты в практике и теории миссии. Здесь явным образом проявляется понимание миссии как литургии, в которой Православная Церковь видит особое значение в том, чтобы собирать/привлекать людей-богоискателей в храм, в Церковь, к Богу. Также, исходя из понимания миссии как диаконии, Церковь, как в первоапостольское время, предлагает защиту и помощь людям, находящимся в критической обстановке, как, например, в Африке. Людям различных нехристианских культур ненавязчиво и в соответствии с их культурой указывается на христианскую веру; проповедь и миссия ведут к тому, что люди, далекие от христианства, приобщаются к православному христианству.¹¹⁴

¹¹³ Сравни мою статью в альманахе "Хронограф", № 4 (1998) о понимании вышеназванных групп относительно миссии.

¹¹⁴ Stephen Hayes, *Orthodox Mission Methods – A Comparative Study*, DTh Thesis at the University

Интересная тенденция наблюдается в практике миссии и евангелизации в областях исторически относящихся к западной церкви. В поиске духовности и познания Бога все больше людей, бывших некогда членами секулярных и стоящих под влиянием рационализма исторических протестантских церквей в Западной Европе, Австралии и, более всего, в Северной Америке обретают живую веру и возвращаются в церковь, теперь уже в Православную Церковь. Иллюстрацией подобного пути является книга Гилквиста (Gillquist), описывающая, как активные члены таких организаций как Campus Crusade for Christ, New Life и других в поисках истинной церкви и библейской еkkлезиологии нашли „духовную родину“ в Православной Церкви.¹¹⁵ Успешный рост Православной Церкви в регионах, традиционно относящихся к западной Церкви, базируется отчасти на эффективном стратегическом мышлении соответствующих миссиологов и миссионеров Православной Церкви диаспоры.

Но и взгляд обратно в историю миссии Православной Церкви, в особенности исследование практики Русской Православной Церкви в расцвете ее активности, находит положительные концепции миссии и большие результаты миссии под таким началом. Это концепции, которые и протестантским миссиологам могут дать много интересных импульсов по отношению к определению миссии и воплощению ее на практике. Докторские диссертации Стамулиса и Реймера являются только некоторыми указателями на растущий интерес протестантских и евангельских миссиологов к Православной миссии.¹¹⁶

К сожалению, эти положительные примеры из прошлого и из новейшей истории, например Африки, не могут отвлечь от миссионерской практики Православной Церкви в Восточной Европе. Здесь доминирует определение миссии как единство и как единство всеми средствами. На практике такая формулировка миссии означает, что иноверующие становятся объектами миссии, которая проводится с помощью давления. Верующие других конфессий притесняемы православными миссионерами подобно христианам первых столетий. Отчеты, появлявшиеся в публикациях Кестон Института о преследовании христиан в коммунистических странах бывшего Варшавского Договора, повторяются и сегодня. Может быть, это наблюдается не в той же интенсивности, но подобными методами региональные и национальные Православные Церкви пытаются „привлечь“ или „вернуть“ иноверующих, как протестантов и евангельских христиан, так и автономные православные группы и церкви в лоно Православной Церкви. Там, где проявляются такие моменты, истинный взгляд на миссию в Православной Церкви утерян или, по крайней мере, остался только в теории, а в отношении понятия миссии как диалога, его почти не существует.

Попытки Православной Церкви с помощью государства и с помощью репрессивных законов ограничить активность христиан других конфессий, однако, не в состоянии сделать секуляризованное общество восточноевропейских стран более православным или более христианским. Официальная Православная Церковь этих стран бездейственна по отношению к миссии и не имеет ясно очерченной миссионерской стратегии; она ослабевает уже потому, что вместо того, чтобы христианизировать страну, занимается подавлением иноверующих и их попыток принести Евангелие населению более чем на 90% атеистическому.

of South Africa, 1998, p. 108-134.

¹¹⁵ Peter E. Gillquist, *Becoming Orthodox: A Journey to the Ancient Christian Faith*. Brentwood, TN: Wolgemuth & Hyatt, 1989.

¹¹⁶ James Stamooolis, *Eastern Orthodox Mission Theology Today*, Maryknoll: Orbis, 1986 and Johannes Reimer, *Mission des Russischen Mönchtums im frühen Mittelalter*, DTh Thesis at the University of South Africa, 1994.

Такой подход вызывает только недоумение у других христиан. Это приводит к следующему пункту: к проблемным ситуациям в Восточной Европе.

Миссия как прозелитизм и диалог

Конференция, проходившая в июне 1995 г. в Сергиевом Посаде по теме "Православная миссия и вопрос прозелитизма", показала расхождение в понимании прозелитизма в Православной Церкви Восточной Европы. Само по себе это явление можно оценить положительно, потому что оно указывает на то, что официальная позиция Православной Церкви и не настолько утверждена, что не допускает дискуссии. Также оно оставляет надежду на то, что диалог между Русской Православной Церковью и другими церквями на географическом пространстве России по этому вопросу еще возможен.

В новых условиях постхристианского мира на Западе и Востоке, в котором средневековые мировоззрения совокупления религиозного влияния и определенных географических территорий утратили свое влияние, необходимо яснее очертить термин прозелитизм. Как известно, прозелитизм характеризуется как „обращение христиан из одной конфессии в другую с помощью методов и средств, противоречащих духу христианской любви и ограничивающих свободу личности“.¹¹⁷ В большинстве исторически христианских регионов Запада и Востока неоязычество, однако, является тягостной (печальной) реальностью. Поэтому и эти части мира необходимо рассматривать с миссионерской перспективы.

Тот факт, что сегодня больше 90% населения России не считает себя причастными к какой-либо христианской церкви уже говорит о том, что, если проявляется какая-либо миссия, будь то различных православных, протестантских или католических групп, речь не может идти о прозелитизме православных верующих, а о евангелизации атеистически настроенных людей. Обращение человека, не бывшего христианином, к христианству, несмотря на то, происходит ли это на Западе или на Востоке и, несмотря на то, какой церкви исторически этот географический регион принадлежал, является истинным обращением язычника к христианству, а не прозелитизм.

Если раньше миссия Русской Православной Церкви состояла в том, чтобы „защищать“, так называемые, православные регионы России от иноверующих, то сегодня миссионерская работа, сутью которой является ориентация на недостигнутых людей, на народные группы и нации, живущие на территории России, для передачи им Евангелия о Спасителе Иисусе Христе и для привлечения их в Церковь, должна поощряться, а не подавляться, несмотря на то, какая церковь этим занимается. Думается, что миссия предоставляет столько возможностей для плодотворной работы, что полемике и противостоянию места найдись не должно. Декан Духовной семинарии Св. Владимира, поэтому справедливо призвал участников международной Православной миссионерской конференции в августе 1995 г. к возобновлению активной евангелизации, идущей рука об руку с терпимостью. Речь шла о терпимости как Православных, так и других христианских групп, терпимости, которая, однако, не допускает компромиссов по отношению к главным постулатам веры.¹¹⁸

Диалог между восточноевропейскими православными христианами и протестантами необходим и возможен. Протестанты бывшего Советского Союза

¹¹⁷ Final Document of the Orthodox Consultation on Mission and Proselytism (WCC, Geneva, 1995).

¹¹⁸ Thomas Hopko, Paper read at the International Orthodox Mission Conference, August 1995, Crestwood, New York. Cited in Hayes, op.cit. p. 186.

отличаются от западноевропейских протестантов и желают ориентироваться на культуру, в которой они живут, а не на культуру западноевропейского христианства. В восточноевропейских протестантских церквях существует много Православной литургии и духовности, что также отличает их от Западного христианства. Искусственная попытка со стороны некоторых групп Русской Православной Церкви охарактеризовать протестантов СНГ как западную Церковь может служить только пропагандистским целям. Протестантизм бывшего Советского Союза имеет свои корни в Православной Церкви¹¹⁹ и, хотя диалог с западными протестантами выявляет много схожих моментов, он еще больше подчеркивает сходство протестантов СНГ с восточноевропейской православной духовностью. Диалог между протестантами и Православной Церковью также послужил бы лучшему пониманию концепций друг друга и сотрудничеству в основной задаче Церкви, в ее миссии.

Заключение

Сегодня церкви в Восточной Европе пытаются осмыслить изменившийся окружающий мир и определить свое понимание миссии, к которой призвал их Господь Церкви. Христиане находятся в совершенно ином состоянии кризиса, чем до перестройки. Им брошен вызов использовать возможности Божественной миссии в этом географическом регионе таким образом, чтобы она соответствовала миссии триединого Бога и не приносила разрушение, а, наоборот, пользу для Царствия Божия. Выяснение того, что же является миссией, необходимо всем сторонам. При этом диалог между христианскими церквями занимает главенствующее место. Он возможен там, где все стороны начинают прислушиваться друг к другу и, прежде всего, к Господину миссии, Главе Церкви, Иисусу Христу.

---

¹¹⁹ Каретникова М.С. Русское богоискательство: Национальные корни евангельско-баптистского движения. // Альманах по истории русского баптизма. – СПб.: Библия для всех, 1997.